

Оне Ж.

СМЕРТЬ КОНСУЛУ!

История в романах

Жорж Оне

Смерть консулу!

Серия «История в романах»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28563111
Смерть консулу!: Роман: Мир книги, Литература; Москва; 2011
ISBN 978-5-486-04021-4*

Аннотация

Жорж Оне (1848–1918) – французский писатель и драматург, довольно популярный на рубеже XIX–XX веков как у себя на родине, так и в России, где до октябрьского переворота было издано более десяти его произведений. Среди них пьесы «Горнозаводчик», «Житейские бури Мэри», «Не в силе правда»; романы «Нимврод и К^о», «Беда от гордости», «Король Парижа», «Дамы под вуалью», «Таинственная личность» и др. А в 1901 г. издательство Пантелеева в Санкт-Петербурге даже выпустило Собрание его сочинений.

В данном томе публикуется роман «Смерть консулу!», действие которого происходит во Франции сразу после переворота 18 брюмера 1799 года, когда Бонапарт сверг Директорию и провозгласил себя первым консулом. «Смерть консулу!» – такой приговор вынесли Наполеону приверженцы монархии. В книге есть все, что привлекает поклонников

историко-приключенческого жанра: и заговоры, и дворцовые интриги, и любовные приключения.

Содержание

I	6
II	17
III	29
IV	45
V	60
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Жорж Оне

Смерть консулу!

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление,
2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

I

Море сильно шумело, разбиваясь о камни, которые образуют полукруглую бухту около нормандской деревушки Вервилль. Почерневшее небо, по которому бежали тяжелые облака, раскинулось над землей и над волнами, которые все чаще и чаще освещались молнией: со стороны Англии шла сильная гроза. Падал крупный и холодный дождь вперемежку с градом, хлеставшим как песок.

Человек, которого едва можно было различить, быстро шел по тропинке вдоль берега моря. Вдруг он остановился, ослепленный прорезавшим темноту зигзагом молнии. На мгновение кругом стало все видно. Вдали в открытом море показалось большое парусное судно. Осветило и человека на берегу. Это был крепкий мужчина в костюме крестьянина, в вязаной, нахлобученной на уши шапке. За плечами у него висел короткоствольный карабин.

Затем все опять потемнело. Незнакомец спустился к камням на берегу и начал выбивать огниво. Через минуту у него в руках затлел трут. Он наклонился к земле. Послышался треск вспыхнувшей травы, мало-помалу загорелся заранее припасенный хворост. Очевидно, то был сигнал, так как в ту же минуту и на судне показался яркий свет, и до берега донесся звук выстрела. Тогда незнакомец, не заботясь более об огне, вскинул на плечо карабин и по извивавшейся между

камнями тропинке стал спускаться к морю.

После нескольких минут весьма опасного пути он очутился на груде мелких камней, которые лизала морская пена. Он подошел к торчавшему из земли четырехугольному камню и сел. Положив свой карабин у ног и прислонившись спиной к камню, он погрузился в ожидание.

Прошел по крайней мере час. Вдруг раздался глухой, едва слышный звук. Он становился все яснее и яснее. Наконец по ритму стало понятно, что идет на веслах лодка. Почти в то же время из темноты выступила какая-то черная масса, и по стуку дерева о валуны можно было догадаться, что это причалила лодка. Не поднимаясь с места, незнакомец ощупал свой карабин. Послышался сухой звук взведенного курка. В ту же минуту раздался тихий свист с особенным переливом, обычным среди моряков. Незнакомец двинулся к тому месту, где причалила лодка. В темноте раздался голос:

– Это вы, Паркэн?

– Да, это я. Пассажиры с вами?

– Да.

– Они могут высаживаться. Путь свободен, но нельзя мешкать. С минуты на минуту сюда могут нагрянуть жандармы.

– В таком случае вот и мы.

Один из пассажиров проворно прыгнул на песок. Другой вылез из лодки с некоторыми предосторожностями. Третьего вынесли на берег матросы.

– Черт возьми! Будет ли этому конец? – сухо промолвил тот, который высадился первым.

– Ну, Жорж, торопиться незачем, – отвечал тот, которого вынесли на берег матросы. – Ведь, может быть, мы идем на смерть.

– Нечего бояться, что ваш парик потеряет пудру, – угрюмо возразил тот, кого называли Жоржем.

– Ну, когда дойдет до дела, вы увидите, что я не отстану от других. А теперь вся задача в том, чтобы не промочить ноги.

Хозяин судна снес на берег несколько небольших свертков, принадлежавших пассажирам. Паркэн связал их веревкой и взвалил на плечо. Тот, с кем разговаривал Жорж, обернулся к хозяину судна и сказал по-английски:

– Благодарю вас за то, что без всяких приключений доставили нас на берег. Вот вам и вашим людям.

И он передал ему кошелек. Затем, не дожидаясь благодарности, он догнал своих спутников, которые под предводительством Паркэна взбирались уже по крутой тропинке меж камней. Через четверть часа эти четыре человека почувствовали под ногами скудную траву. Паркэн остановился и сказал:

– Если бы ночь не была так темна, можно было бы отсюда видеть ферму Бивиль. Через поле до нее будет не больше четверти лье.

– В таком случае тронемся в путь, – сказал Жорж. – Здесь страшный холод. К тому же я умираю с голоду. Вы собрались

с силами, Сан-Режан? – спросил он четвертого из пассажиров, который все время шел молча.

– Я к вашим услугам, – отвечал тот тихо.

Скоро путники достигли ограды, которую образовала насыпь, засаженная вековыми буковыми деревьями. Лай собак дал знать о приближении маленькой компании. Кто-то открыл дверь, через которую хлынул на листья деревьев поток яркого света. Внутри дома хлопотали двое мужчин и женщина. Когда новоприбывшие вошли в кухню фермы, около камина, сидя на скамейке спиной к ним, грелся какой-то человек. Когда дверь захлопнулась, он повернулся вместе со скамейкой, предоставив камину греть его спину. Лицо его было гладко выбрито. Длинные черные волосы свешивались на воротник камзола. На голове была широкая черная шляпа, а на ногах кожаные гетры, доходившие до грубых башмаков.

– Пожалуйста сюда, господа, ночь холодна, и приятно будет взглянуть на огонь, – промолвил он вежливо.

С этими словами он поднялся и жестом, плохо подходившим к его бедному одеянию, предложил новоприбывшим свою скамейку.

– Черт возьми! Да это господин де Фротте, – сказал Жорж, протягивая руку крестьянину. – Неужели вы сами явились к нам навстречу? С нас было бы довольно и вашего Паркэна.

– Я так и думал, – отвечал главарь шуанов. – Но вы едете из Лондона, где вы виделись с принцами, и я хотел услышать прямо от вас инструкции, которые они мне посылают.

Но прежде всего познакомьте меня с вашими спутниками.

— Господин Гид де Невилль, секретарь его величества, — почтительно поклонившись, начал Жорж, — кавалер де Сан-Режан. Оба имеют важные поручения для наших парижских друзей. Маркиз де Фротте, главнокомандующий армией в Нормандии, — продолжал Жорж, указывая на крестьянина.

Фротте бросил взгляд на хозяев фермы, и они сейчас же вышли. Когда четыре роялиста остались одни, главарь шуанов спросил:

— У вас есть какие-нибудь приказания?

— Его величество желает, чтобы враждебные действия были прекращены, пока мы не исполним данных нам поручений, — отвечал Жорж.

— Напрасно. Следовало бы навести страху на окрестности столицы, что мы уже и начали делать. Сжечь четыре фермы в смысле нравственного воздействия все равно, что выиграть сражение. Кроме того, задержание курьера, который вез казенные деньги... Вот что поражает воображение! Бонапарт даже заболел от ярости.

— Король хочет сделать последнюю попытку к примирению.

— И это поручение дано вам, Кадудаль? Я считал, что вы гораздо больше годитесь для битвы, чем для переговоров.

— Надо повиноваться, — отвечал предводитель вандейцев. — И я подаю пример, хотя это поручение мне совсем не по душе.

– Когда же вы думаете отправиться в Париж? – спросил Фротте.

– Завтра утром, до рассвета. С этими господами я имею возможность добраться до Парижа без особых затруднений.

– Отлично, – насмешливо сказал Фротте. – По эту сторону Луары, кажется, развелось немало этих примилившихся. Но ваш Морбиган еще упорствует, Жорж. Генерал Гедувилль не скоро примирится с вашими товарищами.

– Что делать! Нельзя скрывать от себя, что консулы значительно ослабили наше сопротивление, успокоив умы. Население нашей Бретани, восстававшее против принудительного займа, очень чувствительно отнеслось к уменьшению налогов. Бонапарт больше всего сделал для умиротворения тем, что навел порядок в стране.

– Ах, если бы только граф д'Артуа решился появиться в Бретани, мы были бы теперь хозяевами положения! – воскликнул Фротте.

– Нечего говорить об этом, – серьезно заметил Кадудаль. – Не исполнять просьбы роялистов принц, очевидно, имел свои причины, и, конечно, очень важные. Впрочем, принцы скучают за границей, и война была бы для них развлечением.

– Но тогда пришлось бы расстаться с мадам Поластрон... Агнессы Сорель не любят отпускать Карлов на войну, а Жанны д'Арк на этот раз не имеется.

– Жанны д'Арк теперь превратились в чулочниц и продают свой товар только якобинцам!

Все засмеялись.

– Итак, завтра, чтобы не возбудить подозрений, каждый переоденется и пойдет своей дорогой. Жорж как будто поедет за мукой, а Сан-Режан – за модными товарами! Третий наш товарищ превратится в торговца водкой.

– Отлично, – сказал Фротте. – Спокойной ночи. Меня ждут в Каэне. Нужно отправляться. Я ведь днем не езжу.

– До свиданья, маркиз, и в лучшие дни, будем надеяться.

Они пожали друг другу руки. Фротте открыл дверь, чтобы впустить Паркэна и хозяев, и, набросив на плечи тяжелый плащ, вышел.

– Господа, вероятно, не прочь будут отдохнуть, – обратился Паркэн к оставшимся. – Хозяин, покажите комнаты...

– Они все на нижнем этаже, и стоит только открыть окно, как вы во дворе. Советую господам не раздеваться. С полицией Фуше не знаешь, чего можно ожидать.

– Желаю вам приятных сновидений, – сказал Жорж. – Да приснится нам, что Бонапарту пришлось ознакомиться с ядром и что Францией управляет Лебрэн или Камбасарес...

Смеясь, они пожали друг другу руки и под предводительством фермера разошлись по своим комнатам.

С того времени, как революция разрушила в стране всякую власть, никогда еще французское общество не наслаждалось так спокойствием, как теперь. Когда Бонапарт сделался консулом, мало-помалу стала восстанавливаться торговля, развивалась промышленность, появилась даже рос-

кошь. Безопасность была восстановлена в городах. Но на юго-западе шуаны еще свирепствовали. Дороги Бретани и Нормандии кишели разбойниками, которые останавливали дилижансы под тем предлогом, что они хотят отобрать казенные деньги, причем захватывали и деньги пассажиров. Шайки эти грабили даже окрестности Парижа и, не боясь полиции, появлялись в десяти лье от столицы.

Бо Франсуа наводил ужас на долину Шевреза и окрестности Шартра и Версаля, совершая преступления, которые оставались безнаказанными. Жандармы с ног сбились, и первый консул напрасно пробирал своего министра полиции за постоянные грабежи, которые становились все смелее и смелее. Бонапарт и Фуше были различного мнения относительно виновников этих преступлений. Фуше подозревал, что все эти беспорядки производят роялисты для того, чтобы создать правительству затруднения и дискредитировать режим, которым, по-видимому, страна была довольна. Бонапарт же был убежден, что тут тайный заговор якобинцев, которые не могли ему простить 18 брюмера.

Вот в это-то время и встретились на ферме комиссары партии примирения и партии насильственных действий. Если Гид де Невилль надеялся опутать первого консула благодаря сочувствию, которое он встречал у Жозефины, то Кадудаль и Сан-Режан решили убить его, если он не исполнит их требований. Им приходилось ждать результатов переговоров. Поэтому оба они направлялись теперь в Париж с ре-

шимостью не уезжать оттуда, пока они не достигнут благоприятных для их дела результатов.

Жорж, закалившийся в партизанской войне против войск республики, боялся только одного – как бы не наступило затишье. Сан-Режан также горел желанием отличиться. Происходя из знатной семьи, он отличался особой утонченностью и элегантностью, и ему хотелось бы сражаться в шелке и в кружевах. Молодой человек обладал красивым лицом, нежным голосом и привлекал к себе взоры женщин. Кадудаль, одаренный атлетической силой, с бычьей шеей, был земледельцем перед тем, как стать предводителем шуанов, и его друзья дали ему выразительную кличку Круглая Голова.

Предводители роялистов, отправляя к Бонапарту Невилля и Кадудалья, рассчитывали поразить его, показав ему наиболее типичных представителей своих сторонников. Невилль в качестве дипломата должен был напевать Бонапарту всякие соблазнительные обещания и льстивые похвалы, которые могли склонить его к примирению. Кадудалью предстояло демонстрировать перед генералом мощь и упрямство шуанов и таким образом дать ему понять, как опасно бороться с ними.

Жозефина, постоянно выказывавшая особую симпатию к роялистским семьям и хлопотавшая для них о разрешении вернуться во Францию, была всецело на стороне проекта, который везли в Париж Кадудаль и Невилль. Она бралась устроить им свидание с консулом.

Фуше не получал от своих ловких шпионов никаких известий о прибытии в Нормандию роялистских эмиссаров, которые, таким образом, могли спать спокойно до тех пор, пока солнце не озарит верхушки буковых деревьев, которые окружали ферму.

Среди деревенской тишины раздалось пение петуха. Паркэн сейчас же постучал в дверь Сан-Режана и Кадудалья. Бретонец уже встал. Он сменил свою одежду на более простую. Рыжая борода, обрамлявшая его лицо, красное от постоянного пребывания на воздухе, делала его неузнаваемым. В руках у него была толстая палка. Не говоря ни слова, он двинулся за Паркэном. Во дворе его ожидала крепкая лошаденка, привязанная к железному кольцу. Кадудаль осмотрел ее с видом знатока, пожал руку Паркэну, вскочил в седло и тронулся мелкой рысью. Для сибаритов Невилля и Сан-Режана был приготовлен кабриолет на огромных колесах.

– Вам нужно будет остановиться в Иветоте в гостинице «Черная Лошадь», – сказал Паркэн. – Если вы пожелаете ехать дальше в Руан, хозяин даст вам лучших лошадей и укажет гостиницу, где можно остановиться. Надеюсь, что кто-нибудь из вас умеет править.

Невилль взял свертки, которые Паркэн перенес на берег, и бережно положил их в кабриолет.

– Прощайте, товарищ, – сказал он, протягивая Паркэну руку.

Сан-Режан был уже в экипаже. Паркэн отпустил повод и

сказал:

– Счастливого пути! Первый поворот налево, а там все прямо...

Кабриолет, которым правил Невилль, выехал на луг, миновал границу фермы и покатыл по указанной Паркэном дороге.

II

Гостиница «Черная Лошадь» была переполнена, когда Невилль и Сан-Режан вышли во дворе из экипажа. День был базарный, и все ехали в город. Обед только что начался. Когда путники вошли в гостиницу, служанка накрыла для них столик в углу и принесла им оставшиеся еще кушанья. Сан-Режан принялся за еду, а Невилль решил прежде всего осмотреться.

Первым привлек его внимание невысокий человек с острыми глазами, одетый в зеленый каррик¹ с металлическими пуговицами. Он так и сыпал словами, обращаясь главным образом к добродушного вида человеку в коричневом плаще и в суконных гетрах. Остальные были фермеры – лошадиные барышники, приказчики из города. На почетном месте сидел жандармский унтер-офицер, которому служанки прислуживали с особой почтительностью.

– Вы, может быть, не поверите мне, но я проехал всю Францию, и нигде не было так спокойно, как в Нормандии, – говорил человек в зеленом плаще. – Тут может ехать даже женщина, не опасаясь дурных встреч...

– Женщина? Может быть, – возразил один из фермеров. – Эти господа с лилиями уж чересчур любезны с женщина-

---

¹ Сюртук английского фасона.

ми...

– Разве вы не слыхали, что еще вчера четыре человека в масках остановили дилижанс около Малонэ, – вмешался жандарм. – Похитили пятьдесят тысяч франков, которые везли из Диеппа.

– И все драгоценные вещи, принадлежавшие пассажирам, – добавил фермер.

– Черт возьми! – воскликнул человек в зеленом камзоле. – Неужели эти трусы не защищались?

– Они стреляли из пистолетов, по крайней мере те, которые были внутри дилижанса, – возразил незнакомец в плаще. – Но их пистолеты были, очевидно, разряжены кондуктором.

– Вот так история! Но что же сделали грабители?

– Они раскрыли чемоданы. Опорожнив их и карманы, они приказали кондуктору сесть на козлы и ехать дальше.

– Вы, гражданин, были, очевидно, из тех, которые защищались. Вы не испытывали никаких неприятностей оттого, что стреляли в разбойников?

– Никаких. Они вежливо поклонились мне и посоветовали другой раз не затруднять себя перевозкой огнестрельного оружия, которое на больших дорогах иной раз бывает совершенно бесполезно. Затем они пришпорили лошадей и исчезли. А самое-то драгоценное было у меня спрятано в гетрах...

– Гражданин, – перебил его жандарм. – Будет благоразумнее не рассказывать о таких вещах. Если бы среди присут-

ствующих нашелся товарищ тех разбойников, это могло бы обойтись вам дорого еще сегодня вечером.

– Нет, они не решатся остановить второй раз дилижанс на той же самой дороге. Вероятно, они перебрались теперь на другой конец Нормандии.

– Опаснее всего между Руаном и Парижем, – возразил человек в коричневом плаще. – Вы можете считать себя в безопасности только тогда, когда доберетесь до Версаля.

– Вы пугаете меня, – сказал человек в коричневом плаще, бледнея. – Я возьму для себя отдельную карету. Один путник меньше рискует навлечь на себя внимание грабителей, чем омнибус.

– Стало быть, вы везете с собой крупную сумму? – спросил, посмеиваясь, человек в каррике.

– Нет, только... некоторые товары...

И он вдруг замолчал. Но человек в каррике, по-видимому, решился принудить его к дальнейшим разъяснениям.

– Дело, должно быть, идет о драгоценных камнях... В таком случае послушайте меня – возьмите провожатых, иначе вы сильно рискуете.

– В этом нет надобности, – вдруг сказал Сан-Режан. – Я и мой спутник также едем в Руан в экипаже, и я могу подвезти вас, гражданин.

Человек поднял глаза на Сан-Режана и, успокоенный его приятной наружностью, отвечал с жаром:

– С благодарностью принимаю ваше предложение. Но, мо-

жет быть, я стесню вас?

– Мы немножко потеснимся. И так как ваши сокровища занимают немного места...

– Вам я могу сказать...

– Ни слова! Позвольте мне остаться в неведении. Может быть, вы везете контрабанду, и это нас поссорило бы с правительством.

– Правительству страшна не контрабанда, а заговоры шуанов и якобинцев, – сказал жандарм. – Они хотят свергнуть или убить генерала Бонапарта. Но это не удастся! Я видел его в Арколе, где мы все могли оставить свои шкуры в руках австрийцев...

– А вы, значит, служили в итальянской армии? – спросил Невилль, нарушая свое молчание.

– Да, гражданин. И, стоя рядом с генералом, я получил сильный удар штыком. После этого я попросился в жандармерию.

Обед кончился, и все вышли из-за стола. Человек в зеленом каррике, оставшись с жандармом наедине, указал ему на Невилля и Сан-Режана и прошептал:

– Потребуйте у них их бумаги...

– Надо еще доказать, что вы имеете право давать мне приказания, – недовольно отвечал жандарм.

Незнакомец вынул из-под полы бумажник, достал оттуда бумагу и сунул ее под нос жандарму. На листке стояло: «Министерство полиции», и выдан он был за подписью Фуше на

имя некоего Браконно.

Жандарм взял под козырек:

– Виноват... Не признал... Слушаюсь.

Между тем Сан-Режан во дворе распоряжался закладкой экипажа. Жандарм хлопнул его по плечу и сказал:

– Я полагаю, что приезжий, которому так не хочется ссориться с правительством, исполнил все формальности как следует...

– Вы хотите взглянуть на мой паспорт? Как же! Он к вашим услугам...

Он порылся в своем плаще, достал оттуда бумагу, сложенную вчетверо, и передал ее бригадиру. Там стояло: «Виктор Леклер, торговец шелковыми товарами, жительствующий в Париже, по улице Прувер, № 7». Бригадир взглянул на подпись: все было как следует.

– Хотите также видеть паспорт моего спутника? – спросил Сан-Режан. – Я сейчас его позову.

– Нет надобности. У вас все в порядке.

– Пока мы добрались до Фекона, у нас требовали паспорта по крайней мере раз десять...

– Это все из-за этого проклятого Фротте. К счастью, дня два тому назад он удалился из этой местности, и теперь, говорят, он в окрестностях Аргентана.

Жандарм пересек двор и подошел к незнакомцу в каррике, который стоял, заложив руки в карманы.

– Вы напрасно их подозреваете, – сказал он, – это купец.

Его имя Виктор Леклер, и он возвращается в Париж.

– Ну, платье еще не делает монаха.

И он громко свистнул. Из конюшни появился мальчик, ведя оседланную лошадь. Незнакомец ловко вскочил на нее, бросил мальчику монету и, жестом попрощавшись с хозяином, поехал сначала шагом, а затем рысью.

Сан-Режан, рассчитавшись с хозяином, хотел было сесть в кабриолет, как вдруг тот, потянув его за полу, тихо шепнул ему на ухо:

– Заметили вы человека в зеленом каррике? Жандарм мне сказал, что это полицейский и что он подозревает вас. В Руане остановитесь в гостинице «Великий Олень». Хозяин признает мою лошадь и не потребует от вас никаких объяснений.

– Спасибо.

Сан-Режан вскочил в кабриолет, где уже сидели два его спутника, и экипаж тронулся в путь.

В Руане хозяин принял их с распростертыми объятиями. Только тут Невилль узнал, что взятый ими с собой пассажир был торговец модными товарами из Парижа Франсуа Лербур.

Проведя спокойно ночь, спутники рано утром позавтракали и сели в экипаж, запряженный сильной черной лошадью.

– Вы остановитесь в Эвре, – шепнул им хозяин, – у почтмейстера. Он знает мою лошадь. Поклонитесь ему от меня и передайте, что я жду его на днях. Счастливого пути.

Между Руаном и Эвре переезд был без всяких приключений. Деревни были спокойны, крестьяне работали в полях. Гражданин Лербур, освободившись от угнетавшего его страха, пустился в разговоры, и скоро путники узнали все подробности его жизни. Ему было сорок два года, он был женат на молодой женщине из хорошей семьи, разорившейся вследствие революции. Оставшись одна на белом свете без всяких средств, Эмилия поступила к Лербуру в услужение, а потом согласилась выйти за него замуж. Благодаря жене дела его пошли хорошо, и он открыл модный магазин. В данное время он ездил за драгоценными кружевами из Англии, которые в темную ночь выбросили на берег контрабандисты. К сожалению, шуаны были не так снисходительны, как агенты полиции, и испортили все дело. Лербуру, однако, удалось спрятать самые лучшие вещи, предоставив грабителям забрать более ходкие товары. Кружева эти предназначены для мадам Бонапарт, его лучшей покупательницы, которая поддерживает парижскую торговлю.

Услышав эти слова, Сан-Режан и Невилль переглянулись. Такое знакомство было им как раз кстати.

Добравшись до Рамбулье, они остановились у фермера, рекомендованного им почтмейстером, и были приняты с такой же сердечностью, как и в Эвре. Ферма стояла совершенно уединенно, и им приходилось расспрашивать дорогу, чтобы до нее добраться.

Наступала ночь и надвигалась гроза, когда они сошли с

экипажа. Старик фермер сам прислуживал им за ужином, так как слуги уже разошлись. Он говорил мало, казалось, был чем-то очень озабочен и с такой тщательностью запирал двери и ставни, что Невилль не мог удержаться и спросил его:

– Вы, кажется, боитесь воров? Нас сегодня здесь много.

Старик покачал головой и сказал:

– Непокойно у нас. Бродят разбойники, – произнес он, понижая от страха голос. – Неделию тому назад они побывали на ферме у Бюиссере, убили там человека, унесли все ценное, подожгли ригу и разрушили дом.

– В Париже говорят, – заметил Лербур, – что это грабят шуаны.

– Не думаю, – отвечал фермер. – Образ их действий показывает, что это злодеи, а не партизаны. Кроме того, если бы это были шуаны...

Он хотел сказать, очевидно, нечто запретное, ибо Невилль вдруг прижал палец к губам. Старик очень удивился и круто переменял разговор:

– Позвольте отвести вас в ваши комнаты... Вы, вероятно, очень устали...

Лербур первым поднялся по лестнице на второй этаж.

Сан-Режан и Гид де Невилль остались одни. Когда хозяин вернулся, Гид сказал ему:

– Я перебил вас, потому что, сказать по правде, мы не совсем уверены в нашем спутнике. Он, очевидно, не нашего

прихода, и мне не хотелось бы объяснять ему, кто мы такие...

Скоро вся ферма погрузилась в сон. Ночь была очень темная. Время от времени слышны были удары грома, и багровая молния прорезала темноту. Прошло около двух часов. Вдруг страшный крик нарушил тишину, и показались огни. К дому приближалась толпа человек в двадцать в солдатских мундирах. Пастух, которого волокли два человека, кричал не своим голосом, но сильный удар прикладом заставил его смолкнуть. Настала опять тишина, и слышен был лишь топот людей, столпившихся перед воротами фермы.

Сан-Режан, Невилль, Лербур и хозяин быстро собрались в комнате на первом этаже. Невилль и Сан-Режан хладнокровно осмотрели свои пистолеты, Лербур дрожащими руками вынул свои, фермер зарядил двуствольное ружье и положил на стол топор и саблю. Работники вооружились серпами.

Послышался сильный удар в дверь и крик:

– Отворяйте!

– Кто здесь? – спросил фермер.

– Отворите, тогда узнаете...

– Я не могу отворять ночью кому попало...

Дверь затрещала от сильного удара, от второго удара выскочил замок, от третьего дверь упала, и нападавшие с криком ринулись в комнату.

Человек высокого роста в сером суконном платье с трехцветным колпаком вышел вперед и сказал:

– Сопротивляться бесполезно! Я мельник из Лимура. Давайте ключи от шкафа! В пользу короля!

При этих словах Сан-Режан подошел к человеку, смерил его взглядом и властно сказал:

– Если ты собираешь на армию короля, то у тебя должен быть лист. Покажи...

– Вот он! – крикнул мельник, выхватывая из-за пояса пистолет. – Дай-ка ему ответ.

Сан-Режан быстро оттолкнул пистолет и, схватив со стола саблю, нанес ею удар мельнику по лицу. В то же время выстрелили Невилль и фермер. Залп со стороны нападающих наполнил комнату дымом. Преследуемые по пятам, они мало-помалу очистили комнату, пятеро убитых и четверо раненых лежали на полу. Фермер был смертельно ранен в живот. Мельник и один из разбойников корчились на полу и стонали. Шайка убралась во двор. Невилль со спутниками и другой работник остались невредимы и снова зарядили пистолеты и ружье.

– Их осталось еще около дюжины, – сказал Сан-Режан, выглядывая в окно.

– Да, но их предводитель теперь в нашей власти. Забаррикадуем скорее дверь и обдумаем, что делать дальше.

Дверь была загорожена большим шкафом. Сан-Режан толкнул ногой стонавшего мельника с окровавленным лицом.

– Теперь отвечай нам и не заставляй нас прибегать к край-

ним средствам. Вы убили хозяина этой фермы. Зато и твоя шайка поуменьшилась, да и сам ты поплатился. Мы приезжие, и нам все равно, что вы наводите ужас на всю округу. Если ты прикажешь своим людям удалиться, то мы сию минуту тоже отсюда уедем, да и вы можете отправляться по своим делам. Идет, что ли?

– Что я должен делать?

– Приказать шайке удалиться отсюда.

– Поднесите меня к окну.

Сан-Режан сделал знак работнику, чтобы тот поднял мельника. Шатаясь и оставляя на стене следы окровавленных рук, мельник крикнул хриплым голосом:

– Грель, где ты? Здесь нечего больше делать. Фермер убит и не может уже сказать нам, где его деньги. Идите к четырем дорогам и ждите меня там. Здесь со мной Птиколен, который поможет мне идти. Понял?

– Да, горе тому, кто осмелился вас поразить!

– Горе тебе, негодяй, если ты сию минуту не исполнишь приказа! – твердым голосом крикнул Сан-Режан.

Послышался какой-то глухой шум, потом отчаянный крик и глухой звук, как будто мешок упал в воду. Потом опять водворилась тишина. Приказ мельника, очевидно, был исполнен. Невилль выглянул во двор. Освещаемая заревом пожара, кучка людей быстро удалялась от фермы.

– А что они сделали с пастухом, которого они схватили при нападении? – спросил Сан-Режан.

Вдруг им бросилась в глаза темная масса, барахтавшаяся в пруду, который находился посреди двора.

– Негодяи! Они его утопили! Живо несите багры и вилы!

Работники быстро бросились в воду и вытащили на берег несчастного. Голова его была рассечена, и он тотчас же умер.

Видя, что огонь подходит все ближе и ближе, Сан-Режан сказал работникам:

– Здесь нам нечего делать. Спасайте, что можно, и бегите за помощью в Рамбулье. А мы сейчас уезжаем.

Они подняли фермера и положили его поодаль, в сарай. Потом запрягли отдохнувшую лошадь и двинулись дальше, к Парижу.

III

Магазин кружев и модных товаров Лербура под вывеской «Bonnet Bleu» находился на улице Сент-Оноре, недалеко от церкви Святого Рока. Он занимал обширное помещение – внизу для розничной продажи, а сверху для примерки готовых вещей. Старинные поставщики двора, Лербурсы составили себе хорошее состояние, которое перешло по наследству к Франсуа Лербуру, крестнику графа д'Артуа. Во время революции Лербуру пришлось пережить несколько трудных моментов. Ему пришлось доказывать искренность своего патриотизма путем подписок и принудительных займов. Желая приобрести благосклонность, Лербур поспешил завести у себя кисейные галстуки для Колло д'Эрбуа и пикейные жилеты для Тальена. Покровительство этих двух якобинцев спасло его от гильотины, но не примирило с их режимом. Появление Директории и возвращение франтовства привело Лербура в восторг. Барра был для него желанным человеком, но еще большие надежды он возлагал на Бонапарта. Военная слава и восстановление Церкви дало парижской буржуазии уверенность в безопасности, которой она давно уже не имела. Лохмотья санкюлотов уступили место шелку и кружевам «невероятных».

Окна магазина Лербура представляли весьма соблазнительное зрелище. Полки были завалены запрещенными ко-

гда-то товарами. Мадам Лербур наняла десять приказчиц и десять приказчиков, и скоро магазин на улице Сент-Оноре сделался тем, чем он был при старом режиме: местом встречи всех модников и франтих нового общества. Лербур не совсем одобрительно смотрел на перемену этого общества, но надо было торговать: знать была за границей, и приходилось довольствоваться буржуа и чиновниками.

Мадам Лербур пользовалась большим уважением, хотя была моложе мужа на двадцать лет, и офицеры итальянской армии напрасно бряцали перед нею шпорами. Лербур вполне верил своей жене, и по всему было видно, что она заслуживала этого доверия.

Добравшись до Парижа, торговец модными товарами без всякой задней мысли пригласил зайти к нему Сан-Режана, к которому он почувствовал особое расположение. Холодная учтивость Невилля заставляла его держаться в некотором отдалении.

Когда они прибыли на улицу Сент-Оноре и остановились около дверей его магазина, Лербур взял со своего спутника слово, что он навестит его на другой же день. Сан-Режан, разумеется, решился не упустить этого случая.

Остановившись вместе с Невиллем в скромной гостинице «Красный Лев», хозяин которой был предан королю, они нашли там Жоржа, который приехал накануне без всяких приключений. Главарь шуанов, одетый в элегантный костюм, был неузнаваем. Прическа на манер собачьих ушей скрады-

вала его огромную голову, а кисейный галстук скрывал толстую шею. С утра он уже обежал Париж и кое-кому успел дать знать о своем прибытии. Он всячески побуждал Сан-Режана не бросать завязавшегося с купцом знакомства, советуя ему приударить за его женой.

– Мы будем снабжать товарами этого Лербура, какими только он пожелает. Мы знаем, как их провезти под носом у таможенной стражи. Было бы великолепно, если бы вы спелись с этим малым и вошли в его дом. Там вы будете в безопасности и можете действовать в пользу нашего дела, как найдете удобным.

– Это будет зависеть от обстоятельств, – отвечал Сан-Режан. – Я, конечно, буду пользоваться всяким удобным случаем.

И, взяв палку, он отправился на улицу Сент-Оноре. Перейдя площадь, он прошел мимо церкви Святого Рока, которой он не видел с того страшного дня, когда две пушки генерала Бонапарта расстреливали его друзей из клуба Клиши на паперти церкви. Скоро он дошел до старинного дома, в нижнем этаже которого помещался магазин Лербура. Всего год тому назад его революционная вывеска «Красная Шляпа» была замазана и переделана в «Синюю Шляпу» – робкая попытка возвратиться к первоначальной «Белой Шляпе».

Сан-Режан отворил дверь. Раздался звонок, навстречу вышла приказчица и с любезным видом спросила:

– Что угодно гражданину?

– Я желаю видеть господина Лербура.

– Потрудитесь подняться на второй этаж.

Сан-Режан поднялся по внутренней лестнице с двенадцатью ступенями, покрытыми зеленым ковром, и очутился в отделении готовых вещей. Здесь хозяин объяснял что-то двум дамам, выбиравшим ленты и кружева. При виде молодого человека, он вскрикнул от удовольствия и, извинившись, оторвался от своих покупательниц.

– Садитесь, пожалуйста. Я сейчас буду к вашим услугам. Только сплавлю этих дам.

– Пожалуйста, не торопитесь. Я могу подождать.

Одна из дам, красивая блондинка, уже направила свой лорнет на молодого человека. Сан-Режан сел на табурет и принялся рассматривать магазин. Столы и прилавки черного дуба были покрыты разными дорогими товарами. Стулья для отдыха покупателей, крытые зеленым бархатом, были во вкусе Людовика XVI, под потолком висела бронзовая люстра.

– Итак, господин Лербур, – сказала, вставая, та из дам, которая была помоложе, – я остановилась вот на этом. Пришлите все это. Генерал выскажет свое мнение и сам будет выбирать.

– Генерал такой же знаток изящных нарядов, как и военного искусства, – с улыбкой отвечал торговец, хлопотавший около покупательниц.

Он проводил их до лестницы и, отвесив несколько покло-

нов, вернулся к Сан-Режану.

– А, друг мой, вот и я наконец. Извините меня! Я не мог оставить этих дам. Та, которая помоложе, это мадам Мюрат, сестра первого консула. Другая мадам Жюно...

– Мадам Мюрат очень красива, – заметил Сан-Режан.

– Да. Зато мадам Жюно очень умна. Теперь место принцесс заняли эти дамы. Ну, как вы поживаете с тех пор, как мы расстались?

– Очень хорошо. Мой товарищ уехал по делам в провинцию, а я, как обещал, пришел вас навестить.

– Вы не откажетесь пообедать у меня? Моя жена будет очень рада познакомиться с вами. Она вам очень благодарна за услуги, которые вы мне оказали. Представьте себе, когда она узнала о том, как мы доехали, она пришла к убеждению, что мы находились под каким-то особым покровительством... Она убеждена, что вы и ваш товарищ не те, за кого вы себя выдаете...

– Тем лучше, – отвечал со смехом Сан-Режан. – Это будет в мою пользу.

– Правда? В таком случае скажите мне откровенно: ваши дела идут плохо? Кошелек отошал?

– В настоящее время я не испытываю никакого недостатка. Скажу вам одно, что, если бы мне удалось получить местечко в Париже, я перестал бы ездить по дорогам, что, как вы знаете сами, не лишено опасности.

– Отлично. Будем за вас хлопотать. Чем вы занимались

прежде?

– Я поставлял шелковые вещи и бархат в торговые дома Лиона. Но, как вы знаете, революция привела в упадок эту отрасль, и теперь больше говорят о ткацком способе, изобретенном каким-то Жакаром. Рабочие, говорят, хотели уничтожить станок, который их разоряет. Вследствие всего этого виды на будущее у меня довольно неопределенны...

– А вы умеете продавать?

– Говорят, умею.

– Посмотрим, что можно будет сделать для вас. А вот и моя жена...

Мадам Лербур только что вошла, приподняв зеленую драпировку внутренней двери. Сан-Режан замер на месте и почти потерял способность владеть собою при виде этого прекрасного существа.

Эмилии было двадцать пять лет. Пропорциональность ее фигуры сообщала ей особенную прелесть. Она казалась выше своего роста. Ее несколько бледное лицо с тонкими и подвижными чертами озарялось голубыми глазами и обрамлялось короной густых каштановых волос. При каждой улыбке видны были великолепные белые зубы.

– Это господин Виктор Леклер, торговец шелковыми тканями, о котором я уже рассказывал тебе. Именно он спас мне жизнь, когда я ехал обратно.

– Вы преувеличиваете, господин Лербур, – возразил Сан-Режан. – Во всяком случае, я был очень рад, что мне при-

шлось стать вашим спутником.

– Я очень признательна вам за помощь, которую вы оказали моему мужу, – сказала молодая женщина.

– Господин Леклер будет обедать с нами, дорогая моя, и мы будем хлопотать о том, чтобы найти ему место. Ему, как и многим другим молодым людям, живется трудно...

Мадам Лербур быстро оглядела Сан-Режана и сказала:

– Странно, что господин Леклер не в рядах армии. Каким образом вам удалось избежать набора?

– Я был за границей, – отвечал Сан-Режан, невольно краснея. – Если бы я был на службе, то, вероятно, дослужился бы до высоких чинов...

– А, может быть, были бы убиты в этих немецких или итальянских гекатомбах! – прервал Лербур. – Сколько вам лет?

– Тридцать два года.

– Самое время, чтобы обзавестись своим домом. Надо будет похлопотать за вас. Дела оживляются, общество успокаивается, стало быть, можно будет заработать деньги.

Пока Лербур изливался в своем сочувствии к мнимому Леклеру, молодая женщина не проронила ни слова и даже не смотрела на Сан-Режана. Можно было подумать, что она не одобряет планов своего мужа, который с такой сердечной простотой строил планы насчет его службы.

– А что случилось с вашим товарищем? – спросил Лербур. – Вот хладнокровный человек! Мне кажется, что он не на своем месте.

– Он уехал на юг, в Шаранту, за винами. Его семья разорилась во время революции, но он поправит дела. Я не боюсь за него...

– Тем лучше! А ваши родители живы?

– У меня нет никого, кроме дальних родственников. Они живут в Бретани, и я даже незнаком с ними.

– А где вы поселились в Париже?

– В одной из средних гостиниц, где все, однако, очень дорого.

– А денег-то у вас не так много! А что, Эмилия, не предложить ли нам гостю одну из комнат на втором этаже? Они совершенно свободны. Не сдавать же нам их первому встречному. Если б только господин Леклер мог устроиться...

Он вдруг остановился, увидев, что жена его нахмурилась, и удивленно махнул рукой. Но Сан-Режан поспешил сам на выручку и сказал:

– Мне было бы очень неприятно затруднять вас. Я предполагаю уехать из Парижа в конце этой недели. Некоторое время я буду в отсутствии и, стало быть, не стоит устраиваться. Очень вам благодарен за ваше любезное приглашение, но я не могу его принять...

Молодая женщина вздохнула как будто с облегчением. Ее лицо приняло более приветливое выражение, а через минуту стало даже веселым.

– Неужели мы не можем выразить нашу благодарность как-нибудь иначе? – лукаво спросила она.

– Ты сама из Бретани и потому тебе должно быть это особенно досадно.

– Как? Вы моя землячка?

– Да, моя жена родом из Племера.

При этих словах Сан-Режан не мог скрыть своего изумления.

– Не жили ли вы когда-нибудь в замке Кермадио, недалеко от Орея?

– Там я провела мое детство. Там скончались мои отец и мать. Республиканцы сожгли Кермадио и увезли меня в Ван. Я отчетливо помню всех, кто бывал у моего отца и принимал участие в партии роялистов...

Сан-Режан вдруг стал серьезен и не продолжал разговора. Он потрянул головой, как будто отгоняя мрачные мысли, и стал рассеянно смотреть вокруг. Лербур, бессознательно перебирая кучу золотых монет, заговорил опять:

– Должен вам сказать по секрету, что моя жена когда-то водила знакомство с отчаянными разбойниками...

Эмилия снова нахмурилась и обменялась с Леклером недовольным взглядом. Между ними как-то невольно установливалось молчаливое согласие. Не замечая ничего, Лербур продолжал свою болтовню:

– А теперь я их всех принимаю как лучших покупателей, хотя с них и трудно что-нибудь получить. Вот, например, за мадам Богарне прежде, когда она еще не была женой генерала Бонапарта, числился здесь большой долг, который она,

впрочем, теперь еще увеличила. Но теперь уж это деньги верные, и я готов продать ей в кредит весь мой магазин, если она пожелает.

— Господин Лербур, пожалуйста сюда, — раздался голос внизу на лестнице. — Пришли за перчатками, которые заказывал генерал Ланн.

— Иду. Позвольте оставить вас с женой, гражданин. Я сейчас возвращусь.

Оставшись наедине с молодой женщиной, Сан-Режан приготовился вести обычный бессодержательный разговор. Но она вдруг задала ему вопрос:

— Господин Сан-Режан, почему вы скрываетесь под вымышленным именем и зачем вы явились в Париж?

Сан-Режан не мог скрыть изумления. Тем не менее он отвечал спокойно:

— Прошу вас верить, что причины, заставившие меня переменить имя, не имеют ничего предосудительного. Я не преступник... Я скрываюсь потому, что моя жизнь была бы в опасности, если б полиция открыла меня.

— Все заговоры, вечно шуаны?

— Пока король не вернется на свой трон, мы будем сражаться с его врагами и будем считать за честь подвергаться за него опасностям. А мадемуазель де Племер, выйдя замуж за господина Лербура, стала якобинкой?

— Я никогда не изменяла своим чувствам и осталась роялисткой, как и мой муж, который питает отвращение к ре-

волюционной партии. Но я должна вам сказать, что он предан правительству консулов. Он ждет от них восстановления порядка.

– Я постараюсь запомнить лишь то, что вы мне сказали относительно ваших личных чувств. С меня этого довольно.

– Не думайте, что я могу одобрять насилие.

– Вовсе нет. Наши планы самые мирные. Мы хотим дойти до первого консула, чтобы столкнуться с ним. Мы его совсем не знаем. Каковы его намерения и мечты? Честолюбив ли он? Желает ли он счастья Франции? Вот что нам хотелось бы услышать из его уст. Когда все это выяснится, тогда мы будем действовать смотря по обстоятельствам.

– Но каким образом вы рассчитываете добраться до него?

– Мы и приехали в Париж только для того, чтобы завязать знакомство с кем-нибудь из его окружения. Нам известно, что генерал Бонапарт настолько же интересуется нашими планами, насколько мы его намерениями. Его политика в данное время колеблется между якобинцами и роялистами... Оппозицию правительству он приписывает якобинцам, а Фуше, наоборот, обвиняет в этом роялистов. Свидание между нами и первым консулом поможет рассеять недоумения и будет способствовать общему умиротворению.

– Дай бог! Если нужно только известить о вас первого консула, то я могу это устроить.

– О, вы оказали бы нам огромную услугу.

– Но нужно быть уверенной, что вы сказали только прав-

ду.

– Неужели вы считаете меня способным злоупотреблять вашим доверием?

Эмилия взглянула на молодого человека. Он имел достойный вид. Тем не менее она решила держаться осторожно.

– Я имею сношения с мадам Бонапарт и бываю в Тюильри, когда хочу, благодаря ее камеристкам. Мне ничего не стоит сообщить ей о ваших проектах. Она имеет склонность и, вероятно, свои расчеты покровительствовать старинной знати и уже добилась от мужа разрешения вернуть некоторых эмигрантов... Кажется, теперь она хлопочет о восстановлении религии во Франции, хотя сама она и не очень набожна. Если хотите, я могу попросить ее устроить вашу встречу с генералом Бонапартом.

– Позвольте мне сначала посоветоваться. Нужно, чтобы никто из окружающих генерала не знал, кто мы. Достаточно, если Фуше только пронюхает о нас, как мы будем арестованы прежде, чем увидимся с генералом Бонапартом.

– Отлично. Посоветуйтесь с вашими друзьями, и когда вы решитесь на что-нибудь, то положитесь на мое умение. А пока ни слова об этом. Вот идет мой муж...

– Генерал Ланн, – начал простодушно появившийся Лербур, – запутался в своих делах. Он очень гордится своими солдатами. Не дав себе труда испросить нужный кредит, он заказал для всей гвардии новые мундиры, и взбешенный генерал Бонапарт объявил, что он заставит его заплатить из

своего жалованья, и теперь он просил отсрочить ему платеж за галуны и вышивки, которые мы поставляли. Но, конечно, все это уладится... Собратьям по оружию незачем ссориться...

– Однако, говорят, Бонапарт был неумолим к генералу Массене.

– Да, но это потому, что тот слишком уж... грел руки в Италии. Бонапарт заставил его вернуть... И этот любимец победы даже плакал. Он любит денежки! Удивительна судьба всех этих людей. Мюрат был служителем в гостинице, Ожеро – учителем фехтования, Массена – контрабандистом, Ней – бочаром. Сам Бонапарт...

– Тише, друг мой, – с улыбкой перебила его мадам Лербур. – Он гений, а это освящает все!

– Женщины за него, господин Леклер. Берегитесь нападать на него в их присутствии. А, вот нас зовут уже к обеду.

На пороге той самой двери, через которую вошла мадам Лербур, появилась служанка. Молодой человек, предложив руку Эмилии, направился в комнаты торговца в сопровождении мужа, следовавшего за ними.

В те времена, по французскому обычаю, обедали в полдень. В столовой Лербуров была уже заметна роскошь, уничтоженная было революцией. Серебро было извлечено из тайников, и стол свидетельствовал о зажиточности хозяев.

– Садитесь, дорогой мой, – сказал Лербур, указывая Сан-Режану место между собою и женой. – У меня найдется такое

вино, что заставит вас забыть все гостиницы. Выпьем за наш союз... Жаль, что нет здесь вашего товарища, он славный человек. Если он привезет из Шаранты какой-нибудь старой водки, то пусть он поделится со мной.

– Я ему скажу.

– А пока мы воздадим должное моему бургонскому. Вот шамбертен. Такой же, какой пьет первый консул. Все оказалось возможным перевернуть во Франции, только вино нельзя было испортить, а это уже много!

Сидя за столом торговца, Сан-Режан с интересом слушал признания, в которых рассыпался Лербур. Он понимал, что в его словах отражались чувства парижан среднего сословия, которые ему важно было знать. Это являлось довольно точным указанием для Гартвельского двора, мечтавшего о реставрации. Он понимал, что с желаниями и стремлениями масс нужно считаться. Пережив террор, пожелает ли возрождающееся французское общество переменить систему и вернуться к монархии? И теперь ему стало ясно, что Бонапарт произвел на буржуазию впечатление силы и власти, без которых не может держаться порядок.

– Нам, изволите ли видеть, господин Леклер, важнее всего устойчивость учреждений. Невозможно работать с уверенностью, если правительство будет меняться каждый год. А нет уверенности, нет и дел. Десять лет нельзя было рассчитывать даже на завтрашний день. Каждый день какая-нибудь неожиданность, какая-нибудь катастрофа. То принуди-

тельный заем, то девальвация ценностей, то еще что-нибудь. Всячески старались разорить эту несчастную страну. А теперь мы начинаем дышать свободно. Водворяется спокойствие, завязываются отношения. Теперь уж нечего дрожать за свою жизнь. Теперь мы смеем думать и говорить. Начинаются приемы, а за ними идет и роскошь. А роскошь – это, извольте видеть, жизнь Парижа. Как вы будете продавать ваши шелковые товары, если портным не приходится шить платьев для франтих? Теперь, слава богу, наступила полная реакция, и санкюлотизм отжил свой век. Теперь пудрятя вместо того, чтобы носить красный колпак. Эмигранты, господин Леклер, возвращаются каждый божий день!

– Мадам Бонапарт, говорят, относится к ним весьма благосклонно...

– Еще бы! Она не может забыть, что она носила титул графини Богарне. Да, кроме того, она по природе очень кротка. Она добрый человек.

– А как он, первый консул?

– А кто может его знать? Это замечательная личность. Но чего он хочет, куда он идет и для кого он старается? – Тут Лербур понизил голос: – Некоторые говорят – для Бурбонов, которым он готовит возвращение. В таком случае он будет принцем, как Монк после возведения на престол сына Карла Стюарта. Но кто может за него поручиться? Он очень молчалив и сосредоточен. У такого человека, несомненно, должны быть свои планы, но какие? Он теперь хозяин. Почему бы

ему и не удержать власть за собой?

– Ему? Корсиканскому дворянчику? Случайному выскочке?

– Победителю при пирамидах, герою Маренго! Он сам себе всем обязан, а не предкам...

– Неужели вы одобрите, если он возьмет на себя диктатуру?

– Да он уже ее взял! Камбасарес и Лебрэн только статисты. Между ним и троном только его воля.

– Но он рискует получить удар кинжалом, как Цезарь.

Мадам Лербур бросила на Сан-Режана недовольный взгляд. Видимо, ей было неприятно, что молодой человек заставляет ее мужа выбалтывать лишнее.

– Конечно, – продолжал Лербур, – мы, торговцы, могли бы скоро приспособиться к восстановлению монархии, но мы не считаем ее возможной в настоящее время. Теперь Франция всецело во власти армии, и нам есть за что благодарить людей, которые вот уже десять лет победоносно бьются против всей Европы. Вы можете ввести опять лилии, если это не будет стоить новой революции. Но если Бонапарт провозгласит себя императором, как предполагают некоторые, то я и этому не буду противиться. Ибо для нашего брата нужно прежде всего спокойствие, чтобы можно было работать. За ваше здоровье, граждан.

Собеседники чокнулись стаканами, в которых искрился шамбертен, и принялись за десерт.

IV

Дверь в кабинет Бонапарта приоткрылась, и в ней показалась голова Бурьенна. Первый консул, ходивший взад и вперед в раздумье, остановился и, недовольно взглянув на своего секретаря, спросил:

– Один?

Бурьенн приблизился к своему начальнику и доложил:

– Мадам Бонапарт не пожелала сойти. Она сильно плакала. Она сойдет только к обеду.

– Она дала, по крайней мере, какие-нибудь счета?

– Очень неясные. Приблизительные цифры, но счетов нет. Кажется, поставщики злоупотребляют...

– Они грабят ее! Это очевидно. Женщина им не платит, а между тем в их руки переходят огромные деньги.

Он овладел собою, бросил на секретаря холодный взгляд и переменял разговор:

– Приехал Фуше?

– Он ждет в зале флигель-адъютантов.

– Попросите его.

И Бонапарт опять принялся ходить вдоль своего кабинета, пока не услышал, что дверь открылась. Он поднял голову и, увидев перед собой бледное лицо бывшего уличного оратора, слегка кивнул ему головой, указал на кресло и сам сел.

– Кто из нас был прав, гражданин Фуше, – сказал он, –

когда вы ссылались на заговор роялистов там, где я видел лишь происки якобинцев?

– Мы были правы оба, гражданин консул. Якобинцы волнуются, а роялисты куют заговор, и те и другие одинаково опасны. Впрочем, если бы я боялся покушения, я принял бы меры предосторожности против роялистов. Они лучше организованы и смелее якобинцев.

– С восемнадцатого фруктидора, – заметил Бонапарт с легкой усмешкой.

Фуше сделал гримасу. Он не любил, чтобы ему напоминали о его предательстве, от которого пострадали даже некоторые его друзья.

– Восемнадцатое фруктидора уничтожило партию якобинцев, – глухо промолвил он.

– Однако это не помешало ей подстрекнуть Арена и Шевалье, которые пытались меня убить.

– Нужно всего бояться и со стороны роялистов.

– Я хочу покончить и с теми и с другими. Недопустимо, чтобы у самых ворот столицы дороги были заняты шайками разбойников, которые нападают на фермы, останавливают дилижансы и требуют выкупа с пассажиров.

– Эти грабители – люди маркиза де Фротте, а их главарь – Брюслар. Три дня тому назад он был здесь, в Париже. Он выехал отсюда в кабриолете и направился в Версаль.

– Неужели мне придется выслать целую колонну под предводительством какого-нибудь генерала, чтобы образумить

этих злодеев? Вы мне доносите о них, а между тем они ускользают от вас.

Фуше молча улыбнулся:

– Дайте мне приказ арестовать их, и в двадцать четыре часа я разгромлю их всех.

Бонапарт нахмурился:

– Только не теперь. Через несколько дней.

– Вы надеетесь, что ваши переговоры увенчаются успехом?

Первый консул сделал жест изумления:

– Какие переговоры?

– Которые вы ведете с претендентом через посредство аббата Бернье. Вы думаете, я об этом не знаю? – Помолчав немного, он прибавил сухим тоном: – Это вам не удастся.

– А почему?

– А потому, что вы имеете дело с людьми, которые хотят только воспользоваться вами. Ваше требование отказаться от трона вызовет прежде всего встречное требование, чтобы вы реставрировали законного короля! Если вы согласитесь, король осыплет вас золотом. Если вы его отвергнете, постараются вас убить. Это совершенно ясно. Люди, которым поручено повидаться с вами и передать предложения роялистов, находятся уже в Париже.

– Каким образом вы узнали об этом?

– Я знаю все – это мое ремесло.

– Мне еще ничего не известно об их планах. Кого же мне

прислали?

– Секретаря претендента Гида де Невилля и генерала Кадудалья.

– Знаменитого Жоржа?

– Да, Круглоголового.

– Каким образом вы узнали об их приезде?

– Я сначала узнал об их отъезде. С этого момента мои люди уже не теряли их из виду. Места для остановок были приготовлены для них заранее. Это дело поставлено очень хорошо через всю Нормандию вплоть до Лондона. К несчастью для роялистов, оно организовано мною, так что в один прекрасный день, когда я захочу, я могу захватить и их самих, и их корреспонденцию.

– И вы знаете, где остановились Невилль и Кадудаль и можете привести их ко мне?

– Да, гражданин консул. Впрочем, они придут сами. Мне вмешиваться здесь неудобно, ибо у них есть пропуск, подписанный вами.

– Кто же им его дал?

– Мадам Бонапарт.

Первый консул с минуту подумал.

– Да, – начал он медленно, – Жозефина всегда имела связи с роялистами. В глубине души она чувствует благосклонность к принцам. Якобинцам это известно, и вот откуда, между прочим, их ненависть ко мне. Но я сломя и монтаньяров и шуанов, но я не хочу и монархии!

– Бурбонов? – с тонкой улыбкой спросил Фуше.

– Ничьей! После того как утверждено право народа, во Франции не должно быть Божественного права. Но я должен выслушать предложения претендента...

– Следовательно, что бы ни случилось, я должен пока оставаться в бездействии?

– До получения подробных сведений.

Фуше понял, что разговор окончен, и встал. В эту минуту лакей внес круглый столик, за которым консул обыкновенно завтракал в своем кабинете. Черное лицо Руста на мелькнуло в соседней комнате, около двери засуетились лакеи. Приблизилась мадам Бонапарт. Она тщательно выбрала свой туалет. Стройная и изящная, она шла с полужакрытыми глазами и с улыбающимся лицом. Физиономия первого консула, ожидавшего слез и бурных сцен, прояснилась.

Он снисходительно посмотрел на жену и, показывая ей место, сказал:

– Садись, Жозефина.

Удостоверившись, что они одни, он дал волю своему неудовольствию:

– У тебя опять долги? Опять мотовство? Опять твои дела в беспорядке? Я этого терпеть не могу. Поощрять роскошь – это так. Это моя политика. Но плати за то, что ты покупаешь. У тебя вкус к тряпкам. Покупай драгоценные камни, золотые вещи. Но соломенные изделия или стекло! У тебя вкус негров, твоих родичей! От всего этого остается только пыль

да счета. Я этого больше не хочу.

– Как ты сердит сегодня!

– Потому что ты подаешь дурной пример, которому следуют окружающие меня. Вот Ланн, не попросив ни разрешения, ни кредита, сделал новые мундиры для консульской гвардии. Кто будет платить за это? Я приказал взыскать с него. Вследствие своего скверного характера он теперь дуется на меня и не разговаривает со мной. Могу я распоряжаться или нет?

Жозефина поднесла платок к глазам. Это было у нее обычным средством. Бонапарт, быстро съедая каждое кушанье, которые подавались на стол разом, мало-помалу стал смягчаться:

– Ну, не плачь! Я заплачу. Но не делай этого в другой раз. Подражай в скромности и послушании твоему сыну. Евгений может служить примером. Мне ни разу не пришлось сделать ему замечания. Он порядочный малый и лучший солдат моей армии.

– Он знает, чем он обязан тебе.

– Другие тоже это знают: Жюно, Мюрат, Ожеро, и одноко...

Он встал и бросил салфетку на стол. Завтрак продолжался не более четверти часа. Подали кофе. Подойдя к жене, Бонапарт посмотрел на нее с нежностью:

– Не печалься, Жозефина. Только не будь расточительной! Мне говорили, что у тебя есть секретные фонды и что

Фуше платит тебе оброк с азартных игр. Берегись, если когда-нибудь я в этом удостоверюсь!

Он поцеловал ее и стал ласкать. Несмотря на все разочарования, которые она ему доставляла, он чувствовал к ней нежность. Она воспользовалась этим случаем, чтобы дать его мыслям желательное направление, и заговорила о политике:

– Я получила еще прошение о разрешении вернуться. От одной провансальской благородной фамилии, от Сент-Эстранжелов. Они принадлежат к высшей знати. Ты знаешь, южане – ревностные приверженцы короля... Милость могла бы сослужить в данном случае хорошую службу...

– Передай их прошение Камбасаресу.

– Кроме того, есть еще прошение от семьи Шаро. Мне говорила о них мадам Бернадотт. Просить тебя самого она не хочет.

Бонапарт сжал губы. Он не любил, когда ему напоминали об этой даме, которую он когда-то любил, но потом бросил, чтобы жениться на Жозефине, принесшей с собою в приданое командование итальянской армией.

– Отлично, – продолжал он. – Отдай Камбасаресу. Послушать тебя, так скоро вся Франция будет наводнена одними эмигрантами, которых опять придется расстреливать, как тогда у церкви Святого Рока. Эти люди любят волноваться, и, может быть, просто глупо обращаться с ними великодушно. Держаться строгости было бы, пожалуй, лучше для об-

щественного порядка. Это избавляло бы от необходимости прибегнуть к строгим мерам, если интриги принцев будут продолжаться.

– Кто знает, Бонапарт, не лучше ли тебе вернуть их?

– Ты с ума сошла, Жозефина. Не для них же я рисковал своей жизнью при Арколе и Маренго!

– Однако они рассчитывают на тебя. Об этом они мне сказали не далее как два дня тому назад. В настоящее время в Париже находятся их уполномоченные, которым поручено предупредить тебя.

– Откуда ты все это знаешь?

– В конце концов все хлопоты роялистов о том, чтобы установить с тобой связь, направляются на меня.

– Кто же эти посланцы?

– Невилль и Кадудаль.

– Я знаю об этом, – сказал Бонапарт, наклонив голову. – Фуше меня об этом предупреждал. Но каким образом ты узнала о них?

– Не спрашивай. Если ты будешь нескромен, я навлеку на себя подозрения и уже больше ничего не узнаю.

– Но чем же гарантируют эти господа мою безопасность?

– Своей собственной персоной.

– Шансы не равны. Ко мне могут подослать двух фанатиков, которые, рискуя собственной жизнью, убьют меня! А что значит их жизнь в сравнении с моей?..

– Ты можешь принять какие угодно предосторожности.

Поставь на страже в соседних комнатах Мюрата и Раппа, Жюно и Рустаана около кабинета. Можно, наконец, предварительно обыскать их и удостовериться, что у них нет оружия.

Бонапарт задумчиво ходил по кабинету. Его худая голова с сухими волосами упала на грудь. Он остановился около камина, сел и несколько минут не произносил ни слова. Наконец, вскинув на Жозефину свои серые глаза, он сказал:

– Хорошо! Я повидаяюсь с ними завтра вечером, после обеда. Скажи, чтобы они явились к тебе. Только благодаря тебе они и будут допущены ко мне.

Вечером в тот же день, только что Гид де Невилль вернулся в гостиницу и поднялся на третий этаж к себе в комнату, как Сан-Режан вошел к нему не постучавшись.

– Я слышал, как вы вернулись. Здесь стены так тонки, словно они из бумаги. Невозможно разговаривать ни у меня, ни у Жоржа: соседи все слышат. В вашей комнате, по крайней мере, безопасно...

Он сел в соломенное кресло и, покачивая ногой, обтянутой шелковым чулком, сказал:

– У меня есть новость для вас. Я сейчас видел мою престелную землячку. Дело насчет свидания улажено. Первый консул примет вас и Жоржа завтра вечером.

– Какой быстрый успех! – сказал Невилль, смеясь. – Это дело ваших рук. Нужно быть только красивым малым, и тогда все двери отворятся сами собой.

– Оказывается, жена нашего милейшего Лербура ярая ро-
ялистка и состоит поставщицей мадам Бонапарт. Само со-
бой разумеется, что она и явилась посредницей между же-
ной первого консула и нами. И нужно сознаться, она быст-
ро и ловко справилась со своей задачей. Таким образом, мы
войдем в Тюильри при некотором покровительстве, нагру-
женные всякими модными товарами, которые мадам Лербур
посылает своей покупательнице. А уж раз мы будем на ме-
сте, мадам Бонапарт, несомненно, устроит нам свидание с
мужем.

– А муж в курсе всего этого?

– Муж, – отвечал, смеясь, Сан-Режан, – ни о чем не дога-
дывается.

– Но куда девался Жорж?

– Разве можно когда-нибудь это знать? Он постригся, по-
брился и, вырядившись щеголем, гуляет, рискуя быть узнан-
ным, где-нибудь в Пале-Рояле, если не играет. Признаюсь, он
мне больше нравится в бретанской деревне, чем на париж-
ской мостовой. Тем более что с его телосложением и огром-
ной головой трудно остаться незамеченным.

В эту самую минуту на лестнице раздались отчетливые
шаги и послышался веселый свист.

– А, это он возвращается.

Дверь отворилась, и вошел Жорж. В руке у него была ви-
тая палка толщиной с его кулак. Его широкое лицо, ушедшее
в огромный кисейный галстук, как будто было вставлено в

рамку благодаря напудренному парикку с локонами. Кадудаль нельзя было узнать, хотя Гид де Невилль и предупреждал об этом. Он бросил свое пальто и шляпу на диван и, обращаясь к друзьям, сказал:

- Я принес новость...
- У нас также есть новость...
- Я виделся с нашими друзьями.
- А завтра мы увидимся с первым консулом.
- Они готовы выступить по первому знаку...
- Наши планы будут зависеть от свидания с Бонапартом.
- Черт побери корсиканца!.. Лучше было бы устранить его с дороги, чем вступать с ним в переговоры. Вся эта болтовня только усыпляет совесть, ослабляет решения.
- Нужно повиноваться приказу принцев.
- Да, да, вашего принца д'Артуа. Вот уж негерой-то! Если б он высадился в Вандее и пошел во главе нас, Париж давно был бы в нашей власти, а король был бы в своем дворце. Но, помилуйте, что скажет мадам де Поластрон, если ее повелитель рискнет хоть одним волоском! Эх, черт возьми! Нам бы нужно было Генриха Четвертого, а у нас только бездельничающие принцы!
- Жорж!
- Вы знаете, я человек грубый...
- Послушайте, не следует повторять это так часто: кончится тем, что все станут этому верить.

Кадудаль расхохотался:

— Где дело идет о споре, там вы меня всегда побьете, милейший Невилль. Но когда дело дойдет до драки...

— Теперь вы начинаете сомневаться в моей храбрости! Но я вас прощаю. Лучше скажите, где вы были сегодня?

— Ну, заключим мир и поговорим лучше о делах. Я видел Ривьера, Пастора, Жиненвилля и Ларивьера. Мы условились встретиться опять послезавтра на балу в павильоне Ганновера. Там мы найдем всех наших и таким образом войдем в общество парижских роялистов.

— Вы надеетесь найти среди них много союзников?

— Должен сознаться, нет. Этим эмигрантам не понравилось за границей, они вернулись назад и склонны теперь примириться с новым порядком вещей. Конечно, они это делают не с легким сердцем. Они фрондируют в салонах, но от этого еще очень далеко до действий на улице или в открытом поле. Чтобы заставить их двинуться с места, нужен какой-нибудь сильный удар. Вот этот-то удар я и попытаюсь нанести, если наши дипломатические переговоры, в чем я уверен, не приведут ни к чему.

Сан-Режан с того самого дня, как Лербур представил его своей жене и как он обменялся с нею неожиданными признаниями, установившими между ними тайную связь, побывал в магазине на улице Сент-Оноре еще два раза. Первый раз он принес Лербуру образчики шелковой материи, которые он раздобыл с величайшим трудом. Ему хотелось играть ту роль, которую он принял и которая помогала ему сохранять

инкогнито.

Они условились, что эти образчики, действительно великолепные, будут отобраны для мадам Бонапарт. Мадам Лербур, смело открывшаяся Жозефине, условилась с женою первого консула, что материи вместе с нею принесут Невилль, Кадудаль и Сан-Режан, которым и будет предоставлена возможность увидеть первого консула.

Во второй раз Невилль отправился в магазин Лербура, чтобы условиться о том, когда им зайти за Эмилией. Было условлено, что Сан-Режан поедет в карете вместе с супругами Лербур, а Жорж и Невилль будут ждать их на углу, около гостиницы «Нант». Лербур, оставаясь в полном неведении относительно интриги, которую плела его жена, был в полной уверенности, что тут дело чисто торговое и что добрая часть тех вещей, которые они везут с собой, останется в Тюильри.

При втором визите Сан-Режана Лербура не было дома, и его приняла Эмилия. Сан-Режан воспользовался этим обстоятельством, чтобы вспомнить прошлое, когда молодая девушка, оставшись после смерти родителей одна-одинешенька, испытывала тысячи превратностей судьбы среди восстаний шуанов, преследований роялистов, среди убийств и пожаров. К счастью, она встретила в Нанте с Лербуром, который приехал туда к разгрузке контрабандного судна, пропущенного благодаря взятке, данной Каррьеру. Судно это прямо из Ливерпуля везло значительное количество мадапола-

ма и вязаных вещей. Эмилия, поступив к Лербуру приказчицей, скоро обратила на себя внимание хозяина своей красотой и манерами. Под именем Эмилии Бурдэн она скоро прославилась как отличная кружевница. Особенно она отличалась в выделке аргентанских кружев. Лербуру показалось, что она очень бы годилась для его магазина, но когда он заикнулся об этом другим приказчицам, те приняли столь сосредоточенный вид, что Лербур сейчас же возымел сильные сомнения насчет добродетели мадемуазель Бурдэн. Не обманываясь насчет своих чувств, Лербур не без удовольствия узнал, что Эмилия благородного происхождения и, вероятно, сочтет для себя невозможным вступить с ним в брак. Лербур решился, однако, объясниться прямо с Эмилией. Не считаясь с опасностью, которая могла грозить ей в городе, терроризированном Каррьером, молодая девушка рассказала торговцу о своем происхождении, открыла ему свое имя и дала этому человеку полную возможность погубить ее, если бы в его сердце оказалась хоть капля низости или злобы. Когда Лербур заговорил, что в Париже ее, быть может, ожидает другая судьба, не имеющая ничего общего с необеспеченным положением приказчицы в Нанте, где ее могли узнать, то Эмилия попросила времени подумать. По совету других приказчиц, под страхом революционных ужасов и в полном убеждении, что у нее уже нет будущего, Бурдэн согласилась выйти за этого добряка, которому всю жизнь предстояло быть ее верным слугой, и покатила с ним в Париж.

В кругу посетителей магазина она сейчас же произвела сильное впечатление. Робеспьер, отличавшийся франтовством, сам покупал здесь для себя огромные кисейные галстуки, чтобы, как говорили, скрыть свою золотуху. Фабр д'Эглантин сочинял стихи в честь прекрасной хозяйки магазина, Бурра постоянно вертелся около нее. Но молодая женщина была недоступна ухаживанию людей, которых она считала убийцами. Мало-помалу она привила свои идеи мужу и сделала его сторонником партии умеренных. Но привлечь его в партию роялистов ей не удалось. Консульство удовлетворяло его, а когда стала оживляться торговля, то большего он и не требовал.

Он принял с живейшим удовольствием Сан-Режана, когда тот подъехал к магазину вечером того дня, когда было назначено свидание. При помощи мнимого Леклера он уложил в карету образчики материи и, когда настало время ехать, позвал жену. Та вышла в прелестном шелковом платье, перехваченном выше талии, с открытой шеей. Когда она садилась в карету, видна была ее чудная ножка в котурнах, завязанных на щиколотке.

Лербур усадил Леклера на переднюю скамейку, сам поместился на заднюю, рядом со своими свертками, и крикнул кучеру: «В Тюильри!»

V

После резкой выходки первого консула Фуше спокойно обдумывал в своем кабинете свои наблюдения и свои счеты с главою государства. Прежний агитатор был не из числа тех людей, которые горячатся понапрасну, и считал бесполезными слова, которые не могут быть подкреплены действием. Действие – вот о чем стоит подумать. Если б Бонапарт приказал ему арестовать и выслать всех, кто еще оставался у якобинцев в Париже, это могло бы привести его в движение. Но ведь Бонапарт ограничился только жалобами. Фуше не беспокоило неудовольствие первого консула, однако нужно все-таки этому неудовольствию положить конец. Вот о чем думал он теперь, сидя в своем обширном кабинете Министерства полиции.

Бонапарта нужно натравить на роялистов, а не на якобинцев, прежних союзников самого Фуше. Уж сколько раз он твердил генералу, что грабежи производились шуанами, эmissарами нормандской армии, поставщиками Фротте. Но все отдельные факты как-то не складывались еще в сильную, захватывающую картину, которая могла бы поразить генерала и принудить общественное мнение сказать: вот виновники – это роялисты, и их-то и следует разгромить.

Фуше совсем погрузился в свои мысли, как вдруг послышалось легкое царапанье в дверь. Министр не успел даже

сказать «войдите». То было, очевидно, близкое к нему лицо. Пришедший сам отворил дверь и вошел.

Это был невысокий человек с прической в виде голубиных крыльев и напудренный, нисколько не похожий на того сыщика в зеленом сюртуке, который требовал во дворе гостиницы «Черная Лошадь», чтобы жандарм осмотрел паспорта приезжих. А между тем это был он.

– Вы от Дюбуа? – спросил Фуше. – Что он говорит?

– Он утверждает, гражданин министр, что филателисты волнуются и что нужно сделать попытку, чтобы вывести консулов из бездействия.

– Он с ума сошел!

– Отчасти он прав в своих намеках. Прежние клубы преобразуются в тайные общества. Но опасность не в этом. Жорж, как только приехал в Париж, сейчас же вошел в сношения с главарями роялистов, и правительство, к сожалению, допустило сделать это безнаказанно.

– Этого желал первый консул. Где живет Жорж?

– Он живет в гостинице «Сухое Дерево». Там же остановились Невилль и Сан-Режан.

– Вы лично удостоверились в точности этих сведений?

– Да, гражданин министр. Я нанял в той же гостинице комнату под именем кавалера де Лаверньера. Сан-Режана и Невилля я уже встретил несколько дней тому назад по дороге из Нормандии. Сан-Режан путешествует под именем Виктора Леклера. По дороге я потерял их из виду, но теперь я

их опять поймал.

– Что вам известно о них?

– Невилль почти не выходит из гостиницы. Сан-Режан, напротив, делает много визитов и, между прочим, бывает у герцога де Ривьера, маркиза Вирие и торговца модными товарами Лербура с улицы Сент-Оноре.

– Какие у него дела с этим Лербуром?

– Он привез его из Нормандии в своем кабриолете.

– Они были знакомы?

– Совсем нет. Они впервые встретились за обеденным столом гостиницы, и Сан-Режан предложил ему место в кабриолете, чтобы несколько успокоить его: он смертельно боялся разбойников. А затем, насколько я знаю, у него другие причины поддерживать это знакомство.

– Какие же?

– У гражданина Лербура молодая и красивая жена.

– Какого образа мыслей этот Лербур?

– О, самого лучшего. Он состоит поставщиком мадам Бонапарт и всего высшего общества. Гражданки Тальен и Рекамье, генеральша Жюно – его постоянные покупательницы. Он занимается политикой лишь для того, чтобы поддерживать правительство консулов.

– Знает ли он, кто его дорожный товарищ?

– Нет. Если б он знал, что тот явился к нему под чужим именем, он бы его не принял.

– А жена его?

– Жена дело другое. Я повыспросил о ней у приказчиц. Она из благородной семьи из Бретани. Несколько лет тому назад она вышла замуж за Лербура, который безумно в нее влюбился. Она слывет благоразумной, хотя...

– Женщина всегда благоразумна, пока ее не покинет благоразумие. Сан-Режан тоже из Бретани. Может быть, они были знакомы раньше. Надо установить наблюдение. Перейдем к Жоржу. Он что поделявает?

– Он не покидает Пале-Рояля. Он или на галереях с девицами, или в номере сто тринадцать за игрой. Его так легко узнать, что десять моих агентов сразу указали мне его. Не следует ли его арестовать?

– Остерегайтесь этого. Невилль, явившийся из Англии, и Жорж, пожаловавший из Бретани, – знаменательное совпадение. Готовится важное событие. До сего времени его скрывали от меня, но теперь я знаю, в чем дело.

– Итак, я буду заниматься Сан-Режаном?

– Да, но не упускайте из виду и этих филадельфов. Первый консул убежден, что власти грозят якобинцы. Хотя я и не разделяю этих страхов, но я не хочу, чтобы меня потом упрекали. Если с этой стороны образуется заговор, я должен быть в силах его распутать. Этот простофиля Дюбуа ничего не видит, ничего не знает.

– Нужно добиться от первого консула, чтобы он его сменил.

– Ну нет. Он может попасть на способного человека, а с

глупыми управляться легче.

Фуше едва улыбнулся углом рта и сделал жест, приглашавший агента удалиться. Тот поклонился почтительно и исчез так же бесшумно, как и пришел.

Гражданин Браконно, искусный сыщик, во время революции был правой рукой Мальяра, принимал участие в сентябрьских убийствах, а во время террора выдвинулся среди самых свирепых гебертистов. Термидор заставил его помогать Жальену, а это привело его на службу к Фуше. Там он почувствовал себя в своей сфере. Это был сыщик до мозга костей, отдававшийся со страстью своему ремеслу. Он был строг и аккуратен в своей профессии.

Он сам следил за тем, что делается у Лербуров, и, замечая некоторое волнение, охватившее прелестную Эмилию, понимал, что прибытие Сан-Режана внесло в этот дом кое-что новое.

Сидя в магазине перед прилавком, заваленным галстуками и перчатками, Браконно улыбался приказчице и расточал перед нею любезности во вкусе старого режима.

– А, прелестная Германсия, если б вы только захотели обратить внимание, чего я не сделал бы, чтобы привлечь его!

– Если вас послушать, – отвечала продавщица, – глаз не хватит, чтобы потом выплакать все слезы. Мои товарки уверяют, что вы обманщик. Да и хозяйка постоянно предостерегает нас от таких людей, как вы.

– А разве сама она принимает меры предосторожности,

которые советует вам? Разве около нее не вертится петушок с черной головкой, который так ухаживает за ее мужем...

– Ах, вы намекаете на Леклера? Он тут только по делам. Он приходит сюда только за поручениями. Сегодня вечером он должен ехать вместе с хозяином везти шелковые материи для жены первого консула.

– Каким образом вы знаете об этом, божество мое?

– Очень просто. Мне было поручено завернуть образчики, и при этом хозяин сказал: «Если гражданка Бонапарт введет в моду эти лионские ткани, это принесет нам целое состояние».

– О, я знаю, что гражданка Бонапарт желала бы создать настоящий двор. Но не скоро создашь аристократию из бывших торговков фруктами и прачек, которые наполняют теперь залы Тюильри.

– Вы относитесь чересчур презрительно к этим дамам. Мадам Ланн очень недурна собой, мадам Мюрат – красавица, а что касается восхитительной сестры первого консула...

– Ну, она не в счет. Это настоящая красавица. Но, конечно, никому из них не сравняться с вами.

Он встал, и от этого движения с его парика посыпалась душистая пудра.

– Прикажете доставить к вам ваши покупки, господин кавалер?

– Нет, прелесть моя, в двух шагах отсюда, у церкви Святого Рока, меня ждет моя карета. Я возьму эти легкие паке-

ты с собой.

Он приветливо простился с продавщицей и вышел из магазина.

«Ходу, Браконно, ходу, – думал он. – Прежде всего переменением прическу и костюм. Необходимо с шести часов вечера не упускать из виду „Bonnet Bleu”. Если Сан-Режан отправляется в Тюильри, то, конечно, не затем, чтобы показывать Жозефине образчики шелковых материй. Но я буду насто-роже, что бы он ни замышлял».

Повернув на улицу Сурдиер, сыщик пошел быстрее. Он свернул на Мельничную Горку и направился к домику, имевшему весьма дряхлый вид. Через полчаса он вышел оттуда в костюме muscadin, в узких панталонах и в камзоле с длинными фалдами. От прежнего старичка в шелковой одежде не осталось ничего.

Когда мальчик магазина Лербура окончил около семи часов укладку шелковых материй в карету, на крыльце показалась Эмилия в сопровождении мужа и Сан-Режана.

– Ну, гражданин, садитесь с моей женой, – сказал Лербур, дружески похлопывая Сан-Режана по плечу.

Сан-Режан поместился на передней скамейке.

– А, вы не хотите меня слушать, – сказал Лербур. – Хорошо. Ехать недолго. В Тюильри.

В карете Сан-Режан осторожно взял руку Эмилии и тихонько ее пожал. Ручка молодой женщины попробовала было сопротивляться, но затем решила покориться, и Сан-Ре-

жан почувствовал, как жар этой нежной ручки охватывает его сердце. Лербур принялся болтать, но они не слушали его, занятые самими собою и всецело поглощенные новыми сильными впечатлениями.

– Вот мы и приехали, – вдруг сказал торговец.

Обе руки разъединились. Молодые люди обменялись взглядом. Они вышли из кареты перед гренадером консульской гвардии, стоявшим на часах.

– Гражданин Леклер, передайте мне эти материи. Эмилия, дитя мое, выходи. Захвати кружева. Кучер, дожидайтесь нас здесь.

Они прошли во двор и вступили в вестибюль. Внизу их встретил дежурный офицер. Лербур важно спросил его:

– Можно видеть генеральшу Бонапарт?

– Потрудитесь подняться на первый этаж. Там вы скажете...

Когда они поднялись, им навстречу вышел лакей.

– Я гражданин Лербур. Мадам Бонапарт, вероятно, уже ждет меня.

– Мне приказано провести вас, – отвечал с поклоном лакей. – Благоволите следовать за мной.

Через галерею Лербур и его спутники прошли в частные апартаменты жены первого консула и остановились в небольшой гостиной, обитой зеленой материей и уставленной легкими канапе и низкими креслами с выгнутыми ножками во вкусе XVIII века. Издалека к ним долетали звуки разговора,

шум нескольких женских голосов, среди которых выдавался иногда голос, похожий более на мужской. Вдруг дверь быстро отворилась, и вошла Жозефина, веселая и приветливая. Ее сопровождали Гортензия Богарне и мадам Мюрат.

На Жозефине было надето белое кисейное платье с чудными кружевами. Смелый вырез открывал почти всю ее красивую грудь, руки были обнажены по локоть. Юбка была так узка, что при каждом движении ясно обрисовывались формы гибкой креолки. Светлые волосы были подобраны кверху и лишь на висках падали локонами. Если б не зубы, она могла бы поспорить в красоте с сестрой консула и даже с самой Гортензией. Грациозным жестом она пригласила обеих молодых женщин садиться. Она указала на табурет и мадам Лербур и, обращаясь к торговцу, весело спросила:

– Ну, покажите нам ваши новинки...

В то же время она с любопытством разглядывала Сан-Режана. Она сразу заметила смуглый цвет его лица, красивый профиль, обрамленный каштановыми волосами, и аристократические особенности его фигуры. По его губам скользнула улыбка.

– Этот господин, – спросила она, – приехал из Лиона и привез материи, которые вы хотите мне показать?

– Да, сударыня, – сказал мнимый Леклер, отвечивая почтительный поклон.

– Отлично. Кладите их сюда на стол.

– У нас есть также чудные кружева из Англии и превос-

ходные индийские ткани, – заметил Лербур.

И на зеленом диване он разложил великолепные кружева ручной работы, которые вызвали изумление Гортензии и мадам Мюрат. Жозефина более интересовалась материями, которые ей показывал Сан-Режан, и перебирала тонкой белой рукой шелковые лионские ткани.

– Эта отрасль промышленности, вероятно, нуждается в покровительстве? – спросила она.

– Да, сударыня, – тихо отвечал Сан-Режан. – Город еще не оправился после репрессий девяносто третьего года. Кроме того, явился гениальный человек, по имени Жаккар, который изобрел станок, исполняющий с удивительной точностью работу человека. Промышленность Лиона оживет, если ее поддержать. Достаточно первому консулу ввести в моду шелковые одежды, чтобы фабрики заработали по-прежнему.

– Вы очень толково объясняете. Нужно, чтобы Бонапарт мог слышать вас сам. Я узнаю, можно ли это...

Она поднялась и вышла из гостиной. Эмилия, занятая с Гортензией и женой Мюрата, едва могла следить за беседой мнимого Леклера. Но Лербур отлично понял, куда клонилось дело. Он быстро мигнул своему другу:

– Послушайте. Если первому консулу понравится ваша мысль, не забывайте меня...

– Будьте покойны. Мы не затем сюда пришли, чтобы уходить с пустыми руками.

– Я беру этот волан и эту шаль, – сказала мадам Мюрат. –

Рисунок действительно великолепный.

– Оставьте это платье из английских кружев для моей матери.

– Первый консул желает вас видеть, – сказала возвратившаяся Жозефина. – Оставайтесь здесь, а господин Лербур с супругой пусть унесут ткани. Меньше соблазна для моей свояченицы...

Молодая женщина и ее муж поклонились. Лербур забрал в одну связку все свои материи и кружева. Эмилия с удивлением взглянула на Сан-Режана. Он был так же спокоен, как в магазине «Bonnet Bleu» и, казалось, находил совершенно естественной такую внезапную благосклонность. К ее изумлению примешивалась и доля страха. Инстинкт говорил ей, что она вступила на очень опасную почву.

Ее муж уже собрался ехать. Она сделала реверанс Жозефине. Сан-Режан успел бросить на нее полный нежности взор, доказывавший, что у него нет от нее секретов. Он обернулся к Лербуру и сказал ему, очевидно, чтобы сохранить за собой вид делового коммерсанта:

– Мы еще поговорим с вами завтра утром в магазине.

И он остался один с Жозефиной. Гортензия и мадам Мюрат словно по приказу исчезли в одну минуту. Жена первого консула села в кресло и с улыбкой спросила молодого человека:

– Вы господин Сан-Режан?

– Да, сударыня, – отвечал с поклоном роялистский посла-

нец.

– Господин Лербур не догадывается о том, кто вы такой?

– Совершенно. Мне казалось, что будет лучше оставить его в полном неведении относительно моих намерений.

– Верно. Эта Лербур отлично справилась со своим поручением. Она очень ловка. Я ее очень люблю. Но вы должны были явиться сюда сегодня вечером вместе с другими. Где же ваши спутники?

– Гид де Невилль и Кадудаль ждут на углу, около «Нантской» гостиницы, пока к ним не подойдет человек, который махнет белым платком и скажет только одно слово: «Людовик»!

– Я сейчас прикажу послать за ними и предупрежу генерала. Подождите здесь.

Прислонившись к камину, Сан-Режан прислушивался к тишине дворца, стараясь уловить какой-нибудь звук. Но слышен был только отдаленный стук экипажей и размеренный шаг часового, расхаживавшего по внутреннему двору.

Прошло около четверти часа. Но Сан-Режан был спокоен как за себя, так и за своих спутников. Все сообщения, которые должны были рекомендовать его Жозефине, были, очевидно, ей переданы точно. Сильное влияние в пользу принцев, которое замечалось вокруг первого консула, действительно существовало, и Жозефина, без сомнения, им покровительствовала. Окажется ли Бонапарт склонным к восстановлению короля? Что будет вернее – расчет ли Невилля или

сомнения Кадудаля? Затем подвижное воображение Сан-Режана направилось в другую сторону – к образу Эмилии. Ему казалось, что он еще чувствует теплое пожатие ее руки, которым они обменялись в карете. Увлеченный своими мечтами влюбленного, Сан-Режан забыл, где он, зачем он сюда пришел и кого ему предстояло сейчас увидеть. Вдруг дверь отворилась, и в сопровождении офицера появились Жорж и Гид де Невилль. Пожав с улыбкой руку Сан-Режану, они встали возле него.

– Я обязан, граждане, удостовериться, – официальным тоном сказал офицер, – что при вас нет никакого оружия.

Жорж весело распахнул свой камзол, расстегнул жилет и сказал:

– Ни пистолета, ни кинжала, как видите. Впрочем, я разрешаю вам обыскать меня, если это требуется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.